

Юрий ЛИННИК

г. Петрозаводск

М
И
С

С
И
Я

П
А
М
Я
Т
И

Это алгоритм культуры: архаический обряд, вытесняемый новой верой, превращается в детскую игру, а величественные идолы, некогда внушавшие страх и трепет, необратимо понижаются в статусе до уровня игрушек.

Бесценные процессы!

Детство становится памятью культуры – это его неявная, но важнейшая миссия.

– *Чур меня!* – восклицает ребёнок, вовлечённый в игру.

Разве что этнограф сегодня скажет нам, что *Чур* – это древнее славянское божество: хранитель пограничий и меж.

Вырубался из дерева: отсюда – *чурбан*.

На круглый обрубок – плотник привносил в него антропоморфные черты – наносились знаки: как сугубо магические, так и чисто топографические.

Узнаёте один из прообразов тех изделий, которые вам являет Дмитрий Москин?

Удивительный мастер!

Он тоже работает на память культуры.

Идолы – порушены.

Игрушки, в которые переселились их души, – теперь и реликты, и раритеты: из обихода они ушли давным-давно.

Что делает Дмитрий Москин?

Он воскрешает мир северной игрушки – внове воссоздаёт его.

Поражают масштабы задачи, поставленной мастером: он максималист – он хочет воспроизвести всё, что уцелело.

Что значит: *воспроизвести*?

Отвечая на этот вопрос, мы затронем самое главное: какова природа дарования Москина – в чём его очевидная уникальность?

Нет, Дмитрий никак не копиист – хотя у большинства его игрушек имеются вполне определённые прототипы.

Конечно, и копирование – дело серьёзное.

Римские ваятели очень точно репродуцировали греческую пластику.

Это общеизвестно: многие оригиналы пропали – мы судим по ним на основе реплик.

При этом помним: первичное было тоньше,

одухотворённой вторичного – налицо убывание художественной силы.

Дмитрий Москин не желает подобной регрессии в собственном опыте.

В конце концов, что вам мешает сделать галванокпию с онежской куклы-панки?

Будет точь-в-точь!

Можно удовлетвориться и голограммой.

Такая буквалистика Дмитрия Москина не устраивает.

Вот замечательная особенность его работ: с одной стороны, им присуща абсолютная документальная достоверность – с другой стороны, перед нами безусловно творческие произведения.

Как достигается этот эффект?

Мы не ошибёмся, если скажем: это происходит благодаря способности мастера войти в душу простого крестьянина, вырезающего для своего дитяти деревянную игрушку.

Осип Манделштам писал:

*И не одно сокровище, быть может,
Минувя внуков, к правнукам уйдет;
И снова скальд чужую песню сложит
И, как свою, ее произнесет.*

Скальду – скальдово.

Диме – Димино.

Он восприимчив и наследник народных умельцев.

Это генетическая связь, природа которой нам неизвестна – это неисповедимо.

Речь идёт не только о возобновлении забытых навыков – нет, проблема тут залегает гораздо глубже: вместе с игрушками Дмитрия Москина к нам возвращаются ключевые архетипы культуры – её основания.

За этими птицами, кониками, панками стоит могучая народная модель мира.

Крестьянский космос!

Он поражает своей устойчивостью – органичностью – красотой.

Внутри него протекала цельная и полновесная жизнь многих поколений.

Дмитрий Москин выполняет важнейшую культурную миссию: по Платону, это *ἀνέσθηθη* – припоминание вечности. Именно вечности! Она почит на северной деревянной игрушке – исследователи обращают внимание вот на какую её специфику: *внеисторичность – надвременность – универсальность*.

Схожие образы независимо возникали в разных культурах и эпохах.

Эта конвергенция тоже питает Дмитрия Москина. Своим панкам он задаёт общемировой контекст: мы видим их на фоне всей Ойкумены – рядом с различными ипостасями женской первобогини.

Связь с архетипами – это связь с вечным: без неё нет духовности.

Дмитрий Москин поддерживает эту связь.

Наработанное мастером – обширный музей.

Он и тут своеобразен: экспонаты для музея собирают – Дмитрий Москин создаёт их.

Кто-то по невежеству буркнет: *новодел*.

Нет, *вечнодел!*

Н.Ф. Фёдоров писал: *«Музей есть не собрание вещей, а собор лиц; деятельность его заключается не в накоплении мёртвых вещей, а в возвращении жизни останкам отжившего, в восстановлении умерших, по их произведениям, живыми деятелями».*

Эти слова со всем основанием можно отнести к феномену Дмитрия Москина.

* * *

Только что вышла отлично оформленная книга: Дмитрий Москин, Юрий Линник. Бабы, кони, птицы. Народные деревянные игрушки. Русский Север конца XIX–XX в. Петрозаводск, 2014.

Хотя я и являюсь одним из авторов, но думаю, что могу отдельно – вне жанра рецензии – сказать короткое слово о главном творце книги, встречая читателя на её пороге.

Дмитрий Москин выступает здесь и как дизайнер.

Найдено удачное решение: контрапункт деревянной игрушки и вышивки – зримо выявленный как смысловой, так и художественный параллелизм между ними.

Свой талант Дмитрий Москин поставил на служение Русскому Северу.